

АНИКА

12+

**СКАЗКА
О БЕРТЕ
ИЗ РОДА
МОРСКИХ ФЕЙ**

Анника

Сказка о Берте из рода морских фей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43205538

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9753-7

Аннотация

Как часто, увлечённые чтением и обаянием главных героев, мы желаем сами пережить историю из романа или сказки, стать участником фэнтези или мистических рассказов? Очень просто влюбиться в Героя прекрасной сказки. Однако, у всего есть и обратная сторона. Следовать за чувствами не всегда просто, особенно, когда на пути возникают то ведьмы, то оборотни, то вурдалаки. Проклятия и секреты друг от друга, интриги за спиной... Как не предать близких, когда самые страшные сказки становятся реальностью, и остаться собой под гнётом обстоятельств ? И стоит ли бежать за человеком, который бежит от тебя?

Содержание

Пролог	4
Глава первая «Морские Феи танцуют»	7
Глава вторая «Прекрасный Принц впервые завтракает»	20
Глава третья «Высокомерная исповедь»	35
Глава четвёртая «Снег, которого не увидит Берта»	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Пролог

Состояние "сейчас не время делать что-то" будет длиться всю жизнь. Лучше не вовремя или поздно, но что-то сделать.

Океан шумел приливом. Когда Берти вынырнул из воды и опустился на песок у берега, то почувствовал, что больше сил на поиски у него нет. Он сел, отжимая одежду руками прямо на себе. Собиралась гроза, и не было никакого смысла в том, чтобы снимать и сушить вещи. Нужно было возвращаться в деревню к брошенным друзьям, но оборванец тянул время, задумчиво глядя на горизонт.

Адельерра вновь ускользнула от него. Прекрасный город, в котором меняются судьбы, не хотел быть найденным. Закрыв глаза, Берти вспомнил пережитые кошмары, оставившие неизгладимый след на нем, его спутниках, на его отношениях с ними. Вспомнил, как он бросил их всех. Впрочем, так же, как и всегда.

Шум воды перенёс его воображение далеко назад, в тот день, когда он в Гавани Заката встретился с ведьмой Вирджинией. Старуха поверила всем его рассказам и приняла в свой дом, где он узнал о том, что заставило его скитаться по миру.

– Это была первая сказка, которую написал Автор, – Вирджиния любила печь к вечеру апельсиновый бисквит и рас-

сказывать что-то из давно ушедшего прошлого за чаем: – В каменном городе Адельерра, где никто не жил, поселился одинокий парень. Он выбрал себе прекрасный дом, уютный и простой. Он никогда ни в ком не нуждался, у него не было родных, друзья покинули его. Долгие годы он жил там, один, и ничего не тревожило его. Только один раз бессонница пришла к нему в гости, и Он не смог уснуть. Выйдя ночью в сад у дома, Он услышал, как кто-то поёт, далеко-далеко от него. Подняв глаза к небу, Он увидел, как по лунному свету спускаются к нему ноты и мелодичные слова, тихие и нежные. Там, на луне, звучала песня, которую напевала Она, такая же одинокая, как Он. – Старуха шумно отхлебнула остывший чай из своей чашки: – С тех пор он больше уже не спал, каждую ночь проводя у окна или в саду, наблюдая за луной. Он знал, что его придумал Автор, знал, что Он – лишь герой сказки. И в одну из ночей он взмолился к своему создателю о встрече с Любимой – той, кто живёт на луне. Автор услышал и решил исполнить его просьбу. Каменный город оторвался от земли и полетел высь. В предвкушении, Он стоял на пороге дома, чувствуя, что скоро счастье придёт в его жизнь. Оставалось лишь создать Её образ. Автор долго сидел над работой, а после изменил своё решение. Как же Он был разочарован, когда понял, что город снова падает вниз, на землю. Все его мольбы остались без ответа. Спустя время его создатель пришел в Адельерру, и они стали друзьями. Автор даровал ему способность влиять на Сказочный Мир. Гово-

рят, он может помочь тем, кто недоволен своей судьбой, он может всё переписать. Он создал вокруг себя людей, чтобы не чувствовать одиночество, создал друзей. Но ту, кто пел на луне ночную песню он так никогда и не встретил.

Ночь наступала на океан. Бerti знал, что скоро в деревню придут вурдалаки, и ему нужно выбрать: возвращаться ли за друзьями или идти своей дорогой.

Поднимаясь с песка, он вспомнил, как задал ведьме вопрос:

– Почему влюблённые так и не встретились?

В ответ Вирджиния лишь загадочно хмыкнула и пожала плечами.

Глава первая «Морские Феи танцуют»

Наблюдая за тем, как танцуют Морские Феи, можно забыть о шуме. Спрятать раздражение после пробуждения где-то в тишине сада и только дышать тем, как парят эти полупрозрачные создания, подобные ажурным медузам. Ночь, как и прежде, проходила душной, немой, но, всё же, с трудом отпускающей из своих сновидений пленой.

Феи всегда танцевали в саду утром, когда еще никто не бродил по дорожкам, уложенным морскими раковинами. Лучи только что проснувшегося солнца пронизывали их силуэты, словно бы подтверждая саму сущность Морских Фей: ненастоящие.

Эти существа были выдуманными. И, как всё, сделанное Сказочником, завораживающими. Они смеялись и пели под музыку, издаваемую раковинами. Нежные ноты, шелестя стрекозьими крыльями, размешивали краски восходящего солнца в воздухе. Морские Феи радовались своему незамысловатому существованию, и вид их был прекрасен: крохотные тела с бледной кожей покрывали серебристые и голубые узоры цветов, тонкие фигурки едва заметно светились. Феи мало обращали внимание на свою полупрозрачность, их больше волновало то, как долго сегодня продлится утренняя

свежесть, и как быстро наступит обычна дневная жара.

Скоро пелена алого рассвета растаяла, небо окрасилось в чистый синий цвет. И сказочное видение исчезло. Морские Феи попрятались до пробуждения нового утра, и пора было бы уже спускаться к завтраку. Но солнце все никак не хотело торопиться, оно остановилось, сделав несколько шагов от горизонта. Теплое, нежно-оранжевое, очаровательное, невозможно было отвести взгляд.

– Берта! Берта, твоя чашка чая уже остывает!..

А в памяти её проносились и перемешивались кусочки прошлых дней, незначительные события, складываясь в единую мозаику, застилали сознание, отгораживали от настоящего, не позволяя ей услышать голос, доносившийся с тенистой веранды. В голове девушки проносился разговор из прошлого.

– Скажи, пап, вы с мамой долго думали, прежде чем дать мне имя?

– Что-то не так?

– Да нет, просто зовут меня как в средних веках.

– Ты права, так же называли одно артиллерийское оружие в старину.

– И кому из вас пришло в голову назвать дочь в честь средневековой пушки?!

– Не груби отцу.

Она замолчала тогда. Берте нравилось ехать верхом, это было более чем необычно. Необычно даже для девушки, чей

отец – автор детских сказок и немножко волшебник. Берта жила в обычном мире обычных людей и отец никогда прежде не брал её с собой сочинять сказки. В ту поездку он выглядел задумчивым и сосредоточенным, девушка понимала, что сейчас стоило бы помолчать. Но надолго тишины не хватило.

– Скажи, пап, куда мы едем на этот раз?

– Один мой друг пригласил нас с тобой погостить у него. Ты всегда жалуешься, что я не беру тебя с собой, когда работаю. В этот раз мы решили устроить тебе небольшие летние каникулы, пока я буду занят.

– Я помню, ты говорил. Но сейчас осень.

– У него – лето.

– Серьезно?

– Тебе понравится.

И ей понравилось. Это была спокойная и очень красивая местность, сочетающая в себе и пустыню, и яркий лес, и горы на горизонте, и мелкую, извилистую речку, через которую был перекинут, словно игрушечный, деревянный мостик. Всё в этом краю было словно наполнено нежностью и первозданностью, каждый день распускались цветы, и не вяли. В речке никогда не застаивалась и не зацветала вода. Здесь царило лето, вечный июнь с его первыми жаркими днями и еще по-весеннему шумными грозами.

Друг отца Берты, Сказочник, встретил их вместе со своей любимой женщиной, темноволосой и смуглой гречанкой.

– Автор, неужели это твоя дочь?

Необычно было вдруг оказаться в совсем другой обстановке. Видеть людей совсем из другого, волшебного мира.

Ее отец и Сказочник вместе творили новую историю, пока она проводила время среди книжных персонажей. По утрам Берта могла видеть в саду очаровательных белокурых фей, танцующих на дорожках, уложенных ракушками. Маленькими стайками кружились в воздухе возле них крылатые ноты, трепеща свежую утреннюю музыку.

С каждым днем она все больше жила в этот полуреальный, Сказочный Мир, порождающий детскую радость и смех. В нем было уютно, в нем было очень тепло. В нем было все ново и необыкновенно. Написанные утром персонажи садились с Автором и Сказочником за один стол завтракать, теплые и свежие, как утренние тосты с ветчиной и сыром, которые готовила жена Сказочника.

– Берта... – Пропело видение Морской Феи, проплывая где-то глубоко в воображении девушки.

– Берта! – Услышала она, очнувшись, наконец. Состояние задумчивости рассыпалось на мелкие осколки. Это негромкий, звонкий голос маленькой женщины, вечно носившей платья цвета айвори, напомнил ей о том, что она снова зашла у окна, выходящего в сад, забыв и о завтраке, и об отце, и об его отъезде сегодня.

– Берта!!! – Укоризненно воскликнул Автор, едва она, пробежав через сад, вступила на ступени тенистой веранды: – Берта, почему тебя никогда не дозваться по утрам? Чем

занята твоя голова? Неужели даже в день моего отъезда ты не можешь появиться здесь вовремя?

Она пожалала плечами, не зная, что ответить. За столом сидела маленькая девочка с длинными темными волосами. Одета она была в детское белое кружевное платьице, и глаза ее, почти совсем чёрные, были полны очарования и любопытства. Смущенно ковыряя вилочкой рыжую корочку бекона, упавшего в ее тарелку с тоста, она украдкой поглядывала на Берту.

– Доброе утро, – проронила ей Берта, устраиваясь за столом: – Кто это у нас тут такой миленький появился сегодня?

Соскользнув со стула, смуглая девчоночка кинулась туда, где сидел Сказочник и, обняв его за ноги, уткнулась личиком в колени.

– Застеснялась, – объяснила Гречанка.

– Беатриса совсем не стесняется, – Автор усмехнулся, легонько похлопав по плечу девочку, которая тут же обернулась к нему, озорно сверкая глазами: – Она просто не упускает ни одного случая, чтобы привлечь к себе внимание...

– Это у нее от папы или от мамы? – Расстилая голубую салфетку на коленях, Берта задала вопрос лишь для того, чтобы что-нибудь сказать.

Оба творца переглянулись и резко замолчали. Девчушка, широко размахивая своими детскими ручками, убежала с веранды в сад, напевая по пути какую-то детскую невразумительную песню с неразборчивыми словами. Тишина повисла

за столом, обдав завтракавших прохладной волной оцепенения.

Веранда, на которой проходил завтрак, занимала в доме Сказочника достаточно широкую площадь. Сам дом, казавшийся незатейливым и небольшим, вмещал в себе столько пространства, сколько только могла позволить фантазия самого хозяина. Здесь, кроме просторной веранды, было еще шесть больших комнат на первом этаже и четыре комнаты на втором, отведенные специально для гостей Сказочника. Его мастерская, кабинет, куда никто кроме лучшего друга не смел входить, располагалась в одной из комнат первого этажа. Там же были и личные комнаты Сказочника и его супруги, и гостиная, которой никто не пользовался, все, почему-то, предпочитали веранду. Еще одну комнату занимала библиотека, вечно пыльная, сколь бы там не прибиралась Гречанка. Именно такой видел библиотеку хозяин дома – заваленной не только книгами, но и прочим иным хламом комнату, очень светлую, где пылинки, витая в воздухе, облетали мягкие прозрачные лучи солнца, которые пробрались в библиотеку украдкой сквозь незанавешенные окна. И каждый гость, едва перешагнув порог, неизбежно чихал, вдыхая атмосферу запылившихся мыслей, того, что было оставлено на память, но забыто на выцветших полках из дерева кипариса.

Шестой комнатой была примерочная. Там Сказочник и Автор, обдумав, описав, создав и воплотив в жизнь свой новый персонаж, спустя несколько веселых, задумчивых, из-

нурительных часов, проведенных в мастерской, познакомили новорожденное создание с миром. С миром, в котором ему предстояло прожить несколько коротких дней перед отправлением в историю, где он забудет и о своих творцах, и об этом самом мире, и о том, что было с ним раньше. Персонажи забывали, что не существовали когда-то, что когда-то были истории и без них. Они забывали, что живут в уже написанной истории, в которой всем, кроме них самих, известны и конец, и начало.

Вход в Мир Сказки открывало старое, в раме покрытой трещинами и сколами, зеркало. Комната эта имела три стены, выходящие на улицу. И окна, расположенные в этих трех стенах, были вечно распахнуты, белые тюлевые шторы трепетали в волнах сквозняка, от которого невозможно было укрыться здесь. С подоконника изредка опадали хлопья изожженной солнцем белой краски, разбиваясь о паркетный пол. И лак на паркете был исцарапан ножками старого рояля в венецианском стиле, который таскал за собой когда-то один из персонажей Сказочника. Одному только хозяину дома было известно, сколько усилий и воображения пришлось ему потратить тогда на то, чтобы втащить громоздкий музыкальный инструмент в Мир волшебства и чудесных историй сквозь тонкую амальгаму серебра.

В доме так же были и чердачные комнаты, на которые вела кованая винтовая лестница. Ступени её пошатывались и скрипели, когда кто-либо поднимался по ним. У чердака

не было постоянного состояния, все зависело от того, с каким настроением просыпался Сказочник утром. Иногда все его комнаты сливались в единую мансарду, где стояли витиеватые клетки для птиц с настежь распахнутыми дверцами. Солнечно-желтые и серебряно-голубые канарейки сидели на всех окнах в такие дни, и их гомон был слышен даже на мостике, находящимся в отдалении от дома. Но бывало и так, что на чердаке «штормило», как называла это явление жена Сказочника. Поднявшись по лестнице, стоило только открыть дверь, как входящего обдавало прохладной резкой волной, пенящейся, несущей в себе листья комнатных растений, словно клочки водорослей. И если настроение Сказочника с течением дня только ухудшалось, то вода начинала затапливать и нижние этажи, больше всех страдали от такой непогоды, конечно же, гости, чьи комнаты были расположены непосредственно под эпицентром самого чердачного шторма. От бедствия не спасали даже тарелки и тазики, которые Гречанка подставляла под ручки воды, сбегаящие с потолка – вредные бурные волны тут же возникали и в них, перебегая через край посуды, выплескивались на пол, бежали и раскатывались настолько далеко, насколько только хватало их мокрых сил.

Но гости бывали в этом доме редко, Сказочник и его любимая Гречанка жили вдалеке от всех, их редко навещал кто-либо из немногочисленных друзей. В основном, дом населяли те персонажи, которые выдумывались для новой сказки,

притчи, для новых добрых нравоучений талантливого выдумщика.

А нравоучения Сказочник любил, и очень сильно. Высокий, широкоплечий, вечно одетый в свой любимый старый черный свитер крупной вязки, смотрящий на мир крупными горько-шоколадными глазами, он очень любил поучать жизни других. Это было одним из самых странных противоречий, которое никогда не могла понять его жена: всемогущие и счастливые поучают борющихся, несчастных или отчаявшихся.

Однажды Берта спросила у Сказочника, счастлив ли он, но его слова поначалу не были достаточно понятны ей:

– Знаешь ли, Берта, счастье – одно из самых непостоянных состояний в нашем Мире. Так как же я могу ответить тебе на подобный вопрос?

– Сказочник, почему ты при каждом своем ответе ты только рассуждаешь? Просто скажи мне сейчас, счислил ли ты, или нет, вот и все?

– Это главное, – пожал он плечами: – Хочу, чтобы ты понимала, как именно я пришел к такому выводу...

– Ты всегда только рассуждаешь, но никогда не озвучиваешь итога своих рассуждений. Разве так уж сильно сложно ответить на вопрос, счастлив ли ты?

Он тогда посмотрел на нее, улыбнувшись едва-едва, и его густые брови-палочки собрались пирамидкой на лбу:

– Хорошо, раз уж ты так просишь. Да, Берта, я очень

счастлив.

– А из чего складывается твое счастье?

Сказочник с грустью посмотрел на нее и ответил извиняющимся тоном, будто бы он говорил то, что должно было ее ранить:

– Берта, счастье в том, кто рядом.

– И это снова твои рассуждения, – недовольно фыркнула она.

– Не хочешь слушать рассуждения? Так научись делать выводы сама.

– Хорошо, я попробую... Ты имел в виду, что твое счастье – твоя любимая?

– Именно так, Берта, именно так...

Берта сразу притихла. Ей захотелось услышать умиротворяющую музыку морских раковин, вот только это был не рассвет. Сказочно-прекрасными придумал он Морских Фей в своём саду для любимой жены. И еще более прекрасную жену он придумал для самого себя. Придумал так внимательно, что она сама не знала об этом. Берта сочувственно опустила голову:

– Прости, Сказочник, мне так жаль...

Он отрицательно покачал головой:

– Никогда не используй это слово. По отношению к живым существам хотя бы, я прошу. Жалость – это то, что убивает все чувства, которые могли бы существовать и гореть в наших сердцах.

– Почему, Сказочник?

– Представь, вот ты видишь щенка, который еще неумело-неуклюже переставляет лапы по земле. Ты очарованна им, ты влюблена в столь удивительное существо. А вот ты видишь его же, но он поранил лапку. И больше не может не прихрамывать при беге. Пусть даже так: ты знаешь, что он всю жизнь так и будет поджимать поврежденную лапу. Очарованию уже нет места здесь. Ты все так же влюблена в него, но любовь та – иная. Ее питает жалость. Это чувство способно затмить остальные, разбавить, сделать горьким все вокруг...

– Довольно, – остановила его Берта: – Может быть даже ты и прав, Сказочник. Но ведь ты любишь свою жену?

– Я счастлив с ней. Да. Да, люблю.

– Думаю, поэтому мне грустно...

Больше она никогда не говорила со Сказочником на тему любви, счастья, и их основы. Она больше не хотела причинять ему боль. Как и себе. Но когда Берта думала о сказочно красивой Гречанке, Грусть нежно гладила ее по голове.

– Ты не будешь завтракать? – Услышала Берта голос жены Сказочника. Она уже собирала посуду со стола, все успели разойтись по своим делам: – Ты такая задумчивая сегодня, переживаешь из-за отъезда отца?

– А где папа? – Берту вдруг охватила тревога. Автор должен был сегодня вернуться домой на пару недель, в шумный город, где они жили. Написание новой истории потребовало

больше времени, а дела в городе требовали больше внимания. Уже не раз Автор подумывал о том, чтобы перебраться к своему другу насовсем, но его держала Берта. Он говорил, что хочет, чтобы его дочь имела право выбора, жить ли ей обычной жизнью, или среди собственных мыслей и персонажей. Но всем вокруг уже было понятно – выбор этот он уже сделал за неё. На то, чтобы упросить отца оставить её в доме Сказочника на время отъезда потребовалось немало усилий. А теперь Берта переживала, что он едет один.

Она застала его в комнате, Автор собирал вещи.

– Я, пожалуй, возьму с собой только необходимое, – кивнул он на небольшую дорожную сумку: – Ты точно не хочешь вернуться домой?

Берта задумчиво покачала головой, безмолвно глядя на него. После прибытия сюда многое в её душе и голове переворачивалось, неизбежно меняя отношение ко многим вещам. Девушка чувствовала это, но объяснить толком не могла: от чего ей так тяжело без причины?

– Девочка моя, ну что случилось?! – Заметив в её глазах застывшие слёзы, Автор опустил стопку рубашек на постель и подошел к дочери: – Поедем со мной?

– Нет, папа, – Берта быстро вытерла глаза и улыбнулась: – Я подожду твоего приезда, всё будет хорошо. А потом ты закончишь работу, и мы вернёмся домой вместе.

Автор обнял её, он понимал: Берта просто очень молода. Как и прежде, переживает отсутствие матери, а взглядами

своими она очень отличается от молодых людей её возраста. В конце концов, девятнадцать лет – это не тот возраст, в котором можно всерьёз думать о будущем.

– Ты только не влюбляйся в принца, – он произнёс заветные слова, и она расхохоталась. Давно, еще в детстве, когда отец Берты читал ей одну из своих сказок, там тоже был Прекрасный Принц. И, как и полагалось, по всем законам сказочного жанра, на белом коне. Заметив нежный блеск в глазах дочки, Автор тогда сказал ей:

– Никогда не влюбляйся в принцев, все это вымысел, их не существует на самом деле. Любить нужно настоящих, живых людей, Берта. Не персонажей книги, не чей-то вымысел...

С тех пор он разрешал ей многое с условием: «Только не влюбляйся в принца». Сейчас это условие было весьма актуальным – принцы за завтраком появлялись едва ли не каждый день.

Берта не стала провожать отца, они так и простились в комнате. Остаток дня она провела в пыльной библиотеке, разучивая с Беатрисой буквы.

Глава вторая «Прекрасный Принц впервые завтракает»

Спускаясь на следующий день к завтраку, Берта по привычке считала ступени на лестнице. В то утро их было чуть меньше, чем обычно. Пахло свежими тостами, беконом и мармеладом. Пар от чая вылетал с веранды и заворачивался в причудливые кудрявые фигурки-облачка в прозрачном воздухе. Девушке казалось, что атмосфера в доме наполнена умиротворением и неподдельным счастьем. Отец уехал, и она почувствовала себя на много свободнее и живее. Утром она не пошла, как прежде, смотреть на Морских Фей, зато долго перебирала свои вещи, причёсывалась и что-то напевала. словно по привычке, она опоздала на завтрак. Погода стояла солнечная и ясная.

За обеденным столом на веранде сидело несколько человек. Тех, кого она видела впервые. Несколько свежеиспеченных персонажей, которых в очередной раз придумал Сказочник для новой истории со сказочно-сладким эпилогом.

Гречанка, аккуратно помешивая свой чай десертной ложечкой, негромко произнесла:

– Твоя чашка уже остывает. Ты снова смотрела на Морских Фей?

Берта кивнула и уставилась на новичков, сидящих за сто-

лом. Пестрые фантазии Сказочника не обращали на нее никакого внимания.

Рядом со статным, белокурым, лощеным Принцем сидел носатый коротышка с абсолютно лысой головой. На соседнем стуле расположился худощавый парень потасканном пиджаке темно-коричневого цвета, на котором не было ни одной пуговицы, все они были оторваны, кое-где даже с кусками ткани. Его рубашка из лёгкого ситца выглядела ветхой и изношенной. На столе возле него лежала невысокая льняная шляпа с узкими круглыми полями. По вальяжной позе незнакомца читалось какое-то недовольство. Внимание девушки привлекло то, что правая рука оборванца была обмотана красным истертым и изорванным клочком ткани. Мужскую компанию новичков разбавляли две рыжие близняшки, девочки лет шести.

Взгляд Берты, полный недоумения, обратился к Сказочнику. По мнению девушки, это был достаточно странный набор персонажей для единой истории. Принц, Коротышка и Оборванец. Вдобавок, две очаровательные куколочки с курносими носами.

– Альберт, передай, пожалуйста, чашку Принцу, – разбил молчание мягкий густой голос жены Сказочника.

– Не надо меня называть Альбертом! – Худощавый парень действительно был чем-то раздражен. Его горящие озлобленные глаза смотрели на хозяйку дома, словно бы новоиспеченный персонаж, как не повзрослевший еще ребенок, ис-

пытывал терпение своих воспитателей.

Но Гречанка, давно уже привыкшая к случайным недостаткам, недоделкам в характерах сказочных героев, лишь пожала плечами.

Принц, поглаживая указательным пальцем позолоченный краешек своей чашки, которую перед ним поставила жена Сказочника, осторожно перевел свой взгляд с дымящийся поверхности чая на девушку, сидящую напротив него за столом. Едва он заметил, что Берта тоже смотрит на него, как взгляд Принца стал холоден. Гордо держа осанку, он стал задумчиво смотреть куда-то вдаль, зная, что девушка взгляда так и не отвела и без стеснения продолжает рассматривать его.

«— Красуется», — подумала Берта.

Она поймала себя на мысли, что Принц ей вовсе не понравился. Пафос этих голубых глаз «с грустинкой», каких-то уж слишком идеальных, непроизвольно отталкивал. Принц производил такое впечатление, будто бы его только что достали из старинного сундука и еще не успели смахнуть нафталин.

Принц, принц...

Среди всей этой сказочной идиллии Берта уже начинала чувствовать себя одиноко.

Завтрак не удался, и девушка уже мысленно представляла себе, как забудет обо всем, что здесь происходит сейчас, когда незаметно вышмыгнет с веранды и уйдет одна в сад,

чтобы потревожить снова спящих Морских Фей. Она продумывала, как пройдет незамеченной мимо кухни, расположенной отдельно от дома в старом сарае по желанию гречанки. Как прошагает по песчаным дорожкам вглубь сада, где клумбы с голубыми ирисами и белыми лилиями выложены по краям домами-раковинами.

Берта вздохнула, делая вид, что дует на поверхность чая.

– Кого ты обманываешь, твоя чашка разве что только льдом не покрылась, пока все ждали, когда же ты спустишься к завтраку, – с усмешкой, но почему-то грустным голосом проворчал персонаж в рваном пиджаке и белой рубашке. Его дерзость не осталась незамеченной: Сказочник тут же впился в него колючим, осуждающим взглядом.

Худошавый парень по имени Альберт изменил все планы. Редко кто-то из персонажей осмеливался сказать что-то резкое гостям, а уж дерзить самой хозяйке дома было непозволительным преступлением. Сказочник хмурился, выражая свое недовольство. Берта осталась на веранде, чтобы понаблюдать, что же будет дальше.

– Альберт, ты ведёшь себя всё хуже и хуже. Мне, уж наверное, лучше знать, какое имя ты будешь носить...

– Вовсе нет, – мирным голосом проговорил оборванец, рассматривая ногти на своих пальцах: – Я не собираюсь откликаться на то имя, которое мне не нравится.

– Я придумал тебя, а ты со мной еще и пререкаешься? – Лицо Сказочника не побелело от гнева, но губы его, сложив-

шпись в жесткую, чуть надломленную по уголкам линию, выдавали надвигающуюся бурю.

– Вас никто не просил.

– Не хочешь существовать в Мире?

– Уж лучше не существовать в Мире вовсе, чем быть кем-то придуманным, не иметь собственной жизни, знать, что твои поступки и мысли кто-то уже заранее написал на бумажке, – голос Альберта даже не дрожал, тон его был мягок, с легким оттенком наглости.

Все присутствующие на веранде ожидали того, что Сказочник от таких слов будет вне себя от злости. Но смуглая Гречанка склонила голову, пряча улыбку, пока ее муж просто барабанил пальцами о поверхность стола. Спустя одну мертвенно-немую минуту он вздохнул и таким же непринужденным тоном, каким разговаривал с ним персонаж, негромко произнес:

– Пошел вон...

Альберт небрежно поднялся, взял свою шляпу со стола, вальяжно чуть склонил голову, как бы раскланиваясь с присутствующими, и развалистой походкой направился к входной двери. Все молчали до того момента, пока он не исчез в проеме, увитом синим плющом. Затем лысый и носатый коротышка заговорил неожиданно-скрипучим голосом:

– Как только он может разговаривать так с Вами?! Вы не должны ему этого позволять! Ведь вы же намного мудрее и старше Счастливого...

Тут Сказочник громко ударил ладонью по столу и, ко всеобщему удивлению, закричал на носатого персонажа:

– Теперь и ты называешь его этим глупым прозвищем?! Его зовут Альберт! Не Счастливчик! Альберт! И он должен быть благородным искателем сокровищ. А выглядит, почему-то, как какой-то нищий, как оборванец, как полуспившийся бродяга!..

Белокурый принц высокомерно улыбнулся:

– Вы хотели наделить персонажа собственным характером? У Вас блестяще это получилось, никто же не виноват, что Вы не знаете, что теперь с ним делать. Это исключительно Ваша ошибка, и незачем так сотрясать стол...

На лице Сказочника появился резкий красный румянец. Еще один из его собственных персонажей, еще одно его творение осмелилось учить его жизни. Почти ничего не видя перед собой от ярости, повторяя громким свирепым шепотом фразу «– Я их всех уничтожу!», он удалился с веранды. Гречанка обессилена села на стул с витиеватыми ножками, с немым упреком смотря на Принца. Берта, отгоняя от себя мысль о том, что вещи из комнаты нужно будет на время перенести куда-нибудь в сад, поближе к Морским Феям, тоже взглянула на Принца. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

«– Как же Сказочнику удастся делать настолько невозможные вещи?», – подумала она. Преданные, грустно-голубые глаза сочетались с высокомерным выражением лица и

педантичностью в одежде. Теперь только она поняла – вот откуда взялось ощущение нафталина. Так безупречно-аккуратно он был одет в свой старинного покроя костюм, расширенный серебром. Настолько аккуратно, что даже противно.

Принц, принц...

Она обещала отцу не влюбляться в принцев...

Переведя взгляд на коротышку, она тут же почувствовала отвращение. Отвращение другого рода, нежели чем к Принцу. Еще когда носатый подлизывался к Сказочнику, Берта для себя отметила, как он особенно подчеркивает свое обращение на «Вы». И если Альберт произносил его небрежно, то коротышка лицемерил, театрально-наигранно преклоняясь перед своим Создателем.

Рыженькие двойняшки перемазались пирожными, и не было в них ничего отталкивающего.

Но эти двое... Как две противоположные крайности отворачивания: высокомерное самодовольство и лицемерное коленопреклонение.

Невольно, Берта задумалась о персонаже, которого Сказочник выгнал с веранды. Было ли в нем что-то подобное? Что-то такое, что поучает детей не быть подобным ему?

Молчание затянулось. Стекла в большом прозрачном витраже веранды на миг задребезжали, о них ударился невнимательный ветер, прилетевший из сада. Он ворвался через парадную, распахнул все двери в доме и, претворившись сквозняком, разбил окно на чердаке. Волна мутной морской воды

выплеснулась через подоконник, сломав несколько веток деревьев, что росли прямо у самого дома.

Увидев, что жена Сказочника уже начала собирать посуду, и ссора с персонажами логически окончена, Берта все же поплелась в сад, хотя и без особого желания. Всё её сознание погрузилось в задумчивость.

Не было ни одной одинаковой раковины в саду, за которым ухаживала Гречанка. И даже пели каждая из них только свой морской мотив. Но днем среди шума и беготни сказочных призраков их совсем не было слышно. Морские раковины поют по утрам. Поют для своих Фей, для своих хозяек, а Берте хотелось услышать их сейчас.

Собрав самые крупные и яркие, она унесла их с собой на поляну за извилистой речкой, через которую был перекинут небольшой мост. На поляну, где цвели мелкие белые и синие цветы.

Обняв колени и закрыв глаза, девушка слушала морские мелодии, прикладывая к уху огромные раковины, одну за другой, представляя, что она сидит не на поляне цветов, а на берегу необъятного моря. На песке, и у ног бьется и пенится соленая вода. Синяя, как утреннее небо после окончания рассвета...

– Вода в море не синяя.

Задумавшись, Берта совсем не заметила, как напротив уселся Счастливчик Альберт, и как она начала произвольно говорить свои мысли вслух.

– Прости, – солнечный свет колот ее глаза после бархатной темноты закрытых век: – Что?

– Вода в море совсем не синяя.

– А какая же?

– Я не знаю, – Пожал плечами оборванец: – Я никогда не видел море.

Он замолчал, и Берта отложила раковины в сторону. Она не чувствовала раздражения от того, что её потревожили, бело-синие цветы, качая головками, наводили на нее умиротворение.

Разговаривать её совсем не хотелось, но Альберт снова первым нарушил тишину:

– А ты? Ты видела когда-нибудь море?

Девушка вздохнула. Его присутствие на поляне принуждало к разговору, а она так хотела провести время сама с собой, вдалеке от мыслей отца и Сказочника.

– Как тебя зовут, – тихо спросила она, рассматривая цветы у своих ног.

– Ты рассчитываешь услышать то, как меня называет Сказочник, или имя, которое я сам выбрал для себя?

Берта ответила не задумываясь, просто повторяя последние его слова:

– То, которое ты сам выбрал для себя.

– Берти. Меня зовут Счастливчик Берти. А тебя?

– Забавно. – На этот раз она искренне улыбнулась, все еще не поднимая взгляда на своего собеседника: – Берта, меня

зовут Берта.

Оба они рассмеялись. Глядя на своего нового друга-персонажа, Берта подумала, что напрасно Сказочник так относится к Берти. На нее он производил более приятное впечатление, чем Принц.

– Берта, а ты видела море?

– Нет, Берти, я никогда не видела море.

Он снова улыбнулся и покачал головой. Порыв легкого степного ветра разворошил волосы Берты, спутал их, бросил несколько каштановых прядей на лицо. Оборванец наклонился, чтобы поправит ей волосы:

– Берта и Берти. Теперь я точно не хочу участвовать в сказке, есть дела и поинтересней придуманной истории...

Девушка отклонила руку Берти и прервала его на полуслове:

– Почему ты не слушаешь его?

– Кого, Сказочника?

– Да. Он сказал, что ты становишься все хуже...

Берти недовольно поджал верхнюю губу так, что линия его рта стала жестко-прямой, лоб сжался тремя складками, и на мгновение брови Счастливики сдвинулись пирамидкой – Берте показалось, точь-в-точь как у Сказочника, когда тот был раздосадован или удивлен чем-то. Оборванец сел рядом с девушкой и, чуть искажая обычные интонации своего голоса небольшим кривлянием, заговорил:

– Он придумал мне характер. Он сам дал мне возмож-

ность перечить ему. Вот только парадокс: возможность у меня есть, а разрешения нет. Что это за двуличность? Он хочет, чтобы персонажи не были равнодушными, сухими куклами. Ему нужны личности. Но, при всем при этом, он совершенно не хочет выслушивать их личные интересы и умозаключения. Что за личность без своей точки зрения?

– Да, может быть, Сказочник и не прав в этом, – отчасти согласилась с ним девушка: – Он требует безропотности у умеющих говорить. Но ты мог бы относиться к нему более уважительно.

– Уважительно?! – Берти одним прыжком поднялся ноги: – Уважительно? Берта, я отношусь к нему неуважительно?!

– Судя по тому, что я видела на завтраке, этого никак не скажешь.

– У него свой характер. Но и у меня есть свой. Если он не способен принять этого – тем лучше...

Берта ошарашено уставилась на него снизу вверх:

– Это чем же лучше-то?

– Он сам говорил, что не собирается терпеть мое присутствие в своем доме.

После этих его слов они на некоторое время замолчали. Ветер колыхал сине-белые соцветия, волны разбегались до самого горизонта. Уже не было слышно плеска воды, которая выливалась через чердачные окна. Буря в настроении хозяйина дома прошла, и сказочный шторм утих.

– Сядь, – Берта потянула Берти вниз за край пиджака: – Хочешь сказать, тебе будет проще уйти отсюда?

– Разумеется, – кивнул он, вновь усаживаясь на траву.

– Но куда?

– О, знаешь, – Берти мечтательно поднял глаза к небу и, усмехнувшись, откинулся назад, упав на спину, прямо на бело-синие цветы: – Ведь Мир огромен. Может быть, найдется место и для такого бедолаги, как я. Лишь бы не здесь, в скуке и напыщенном домашнем уюте Сказочника.

– Ценишь свободу?

– Пафосно звучит, – игриво оскалился он: – Но, да, ценю.

Берт тоже легла на траву, глядя в небо. Разговор уже успел наскучить ей, но все же, она спросила:

– Как же ты можешь ценить свободу, если ты не знаешь, что она такое есть? Ты придуман Сказочником, ты живешь в его доме, ты находишься лишь в декорациях его фантазии...

– Именно поэтому, я ее и ценю, – возразил ей оборванец: – Я так думаю, Берта, что в любой другой обстановке смогу почувствовать себя более свободно и счастливо, чем в этом аквариуме.

– Но ведь это же твой родной аквариум, ты не задумывался над этим?

Берти снова приподнялся и сел, оглядевшись. Поднял одну из раковин и положил ее на живот девушки:

– Ты не совсем права. Этот самый «родной аквариум» для меня – его голова, его фантазия. Его клетка. Клетка Сказоч-

ника, в которой он нас всех держит взаперти. Быть может, он нас всех даже любит, но лишь потому... – Он замолчал, резко повернулся в направлении дома, но через мгновение снова вернулся к своей мысли: – Лишь потому, что он любит свою работу.

– Тогда Сказочник выдумал всех вас с любовью, так?

– Все равно, – Берти снова отрицательно покачал головой: – Ведь получилось, что я никто и пришел из неоткуда, верно? Сказочник для меня – и отец, и мать? Но ведь как же это может быть? И я для него – сын? Вовсе нет... Пойми, если мысль о том, что ты – никто, посещает тебя, то...

Она снова попыталась перебить поток его слов, ей становилось жаль выдуманного Сказочником оборванца, но прервать Счастливого не получилось:

– Берти, подумай, ведь ты...

– Не знаю как ты, Берта, – он лишь повысил голос, давая ей понять, что никакие уговоры не изменят его мнения: – А я не хочу быть никем. Сказочник может указывать мне, требовать, угрожать. Все, что ему захочется. Я, в любом случае, стану поступать так, как захочется мне. Как я сам решу.

Он поднялся и, не говоря больше ни слова, ушел. Девушка слышала лишь шелест травы и вздохи сломанных сине-белых цветов под подошвами его сапог. Счастливчик Берти оставил ей мысли, о которых она раньше она никогда не задумывалась. Как что-то едкое в сладком чае на завтрак. На душе у неё вдруг стало тяжело, а дыхание сбилось. Подняв-

шись, Берта с негодованием сбросила с себя большую морскую раковину, которую оставил Берти.

«— На самом деле, как же можно управлять людьми, пусть даже и сказочными, навязывать им свою позицию, свое мнение, если у них уже есть свои собственные рассуждения», — думала она по дороге к дому, переходя речку по маленькому старому мостику.

Она не видела особой разницы между именами «Альберт» и «Берти». Даже было похоже на то, что второе имя плавно произошло от первого. Но понять, почему Берти неустанно гнет свою позицию, Берта была вполне способна.

К счастью, он не был похож на Принца, но, по мнению Сказочника, был одним из самых неудачно выдуманных им персонажей за последнее время.

Уже вечером, собираясь спать, Берта в окно своей комнаты увидела, как Сказочник задумчиво стоит в саду, подняв голову к небу. Взгляд его был направлен куда-то ввысь, и трудно было понять, о чем думает творец поучительных рассказов и притчей.

«— Интересно, жалеет ли он о том, что стал Сказочником?», — пролетело в голове девушки: «— Понимает ли он то, что заставляет людей, пусть и выдуманных им самим, жить не своей жизнью, испытывать придуманные эмоции и написанную на страницах книги любовь? Знает ли он, на что обрекает своих персонажей? И, если бы мне пришлось переменить дело отца, смогла бы я делать то же самое?»

А Сказочник думал совсем о другом. Он смотрел на луну, и мысли его нежно гладили в памяти чёрные, как уголь, волнистые волосы. Синие глаза смотрели на него с лёгким укором и разочарованием. Сквозь призму прожитых лет и безумно долгого одиночества он всё пытался понять, почему он был тогда отвергнут девушкой, встречи с которой так ждал. Так сильно желал, что, встретив её, не мог до конца поверить, что взгляд её холоден и равнодушен, а сердце не светится в ответ.

Бледный нежный образ её побродил по саду, не задев ни единой раковины на краях цветочных клумб, и растворился прежде, чем смуглая гречанка позвала мужа спать.

Глава третья

«Высокомерная исповедь»

Очередной жаркий день пролетел, словно вчерашний сквозняк. Ночью Берте не спалось, зато теперь она прибывала в состоянии дремоты и забвения. Девушка сидела на подоконнике примерочной, пока Сказочник, метаясь от стены к стене и держа в руках листки исписанной мятой бумаги, что-то читал, бормоча слова себе под нос. К вечеру вода с чердака перестала лить совсем, нотки умиротворения в настроении Сказочника и хитрые улыбки гречанки предвещали, что этим вечером будет необычайно красивый закат. Свежесть медленно краснеющих солнечных лучей затекала с улицы в комнату через настежь открытое окно. Игрушечный кораблик с голубыми парусами раскачивался из стороны в сторону, прикрепленный к светильнику под потолком. Это был почти настоящий, только очень миниатюрный корабль с палубой, шлюпками, мачтами и крохотным якорем. Берта знала, что его придумал Сказочник в тот же день, когда были созданы Принц, Альберт и носатый коротышка.

Вдруг он бросил записи на пол и тяжело вздохнул.

– Ну, что случилось? – тихо произнесла она, вырванная из круговорота своих мыслей шелестом падающей бумаги, разлетевшейся во все стороны.

Но Берте никто не ответил. Она повторила свой вопрос громче:

– Эй? Сказочник?.. Что-то произошло? Могу я помочь?

– Конечно, Берта, можешь. Собери все эти клочки и сожги.

– А что это?

Сказочник уперся взглядом в пустую стену:

– Этот проклятый Альберт. Никак не могу найти место, где я мог ошибиться.

Она слезла с подоконника и подняла несколько листов, беспорядочно застилавших поверхность пола:

– Но тут же почти ничего не понятно...

– Для тебя – нет.

Усмехнувшись, Берта начала собирать остатки рваных и смятых листов. Казалось, целая комната была устлана ими.

– Сказочник, неужели нужно исписать столько бумаги, чтобы создать человека?

Он медленно перевел на нее взгляд, полный иронии:

– Человека? Нет. Только персонажа сказки.

– Это не одно и то же?

– Вовсе нет, – покачал он головой.

Пожав плечами, девушка продолжила собирать листы. Сказочник неожиданно наклонился и остановил ее. Он внимательно посмотрел в глаза Берты:

– Ты общалась с Альбертом?

– Что?

– Вчера, после завтрака, ты разговаривала с Альбертом, – уточнил он.

Невольно улыбнувшись, она кивнула:

– Его зовут Счастличик Берти.

– Его зовут так, как я назвал его, Берта. И ты не должна вмешиваться не в свои дела. Альберт – персонаж, моя выдумка, о чём можно было с ним говорить? – Сказочник устало опустил на пол, сел, потирая лицо ладонью. Голос его был расстроенным и полным сожаления: – Твой отец не будет доволен тем, что я позволил тебе завести дружбу с персонажем...

– А тебе можно? – Едкая реплика Берты больно хлестнула его: – Тебе всё позволено, даже любить... – Девушка тут же осеклась и замолчала, увидев, каким стал взгляд Сказочника. Она подошла к нему и смиренно опустилась на пол рядом.

– А если я решу стать автором? Если пойду по стопам отца и тоже научусь создавать? – Берта говорила негромко, стараясь заглянуть в лицо уставшего творца: – Что тогда? Твоё мнение изменится?

Но он только немо покачал головой.

– Сказочник, почему ты не хочешь дать своим персонажам немного свободы? Пускай бы они сами выбирали себе роли и имена?

– Нет.

– Почему?

– Потому, Берта... Нет.

Она вспомнила недавний разговор с Берти и то чувство, с которым она возвращалась с поляны сине-белых цветов. Не в силах сейчас сформулировать хоть какую-то мысль из того разговора, девушка слегка толкнула Сказочника плечом в плечо, выражая своё недовольство.

– Чего ты хочешь от меня, Берта? Я только-то сочиняю сказки, и делаю это так, как умею!

– Ну так позволь своим персонажам делать свой собственный выбор. Хуже от этого не станет никому...

– Ты так думаешь? – Он немного надменно взглянул на неё, и Берта поняла, что сейчас будет очередное нравоучение: – Скажи, а кто захочет играть отрицательные роли? Каждый «свободный» лицемер выстраивает из себя добренького и заботливого, оставаясь в душе подлым...

– Но к Берти это же не относится!

– Берти?! Опять этот Берти?! Что еще он тебе вбил в голову?

– Зачем ты так, Сказочник?..

– Пойми, наконец, – Сказочник шумно выдохнул воздух из усталых легких и растер лоб ладонью: – В сказке нужны разные персонажи: и плохие, и хорошие. Если я всем дам волю выбирать, то плохие станут разыгрывать положительных, а хорошие и вовсе откажутся существовать! Потому что невозможно жить, зная, что ты – никто!.. – Тон его голоса перешел на крик, глаза словно бы покрылись корочкой льда,

а виски стали влажными, как и руки, которыми он едва заметно жестикулировал в такт своим словам.

Берта все еще продолжала смотреть ему в глаза. В этом разговоре Сказочник открывался ей с совершенно другой стороны. С совершенно иной стороны, нежели она знала его раньше.

– Ты понимал? – ужасаясь от догадки прошептала она: – Сказочник, ты понимал, что чувствуют выдуманные тобой персонажи, так? Как мучаются они до того, как попадают в сказочный мир? Они всё забывают там, но... Не все же из них попадают туда, так?

Кивнув так резко, что у него самого закружилась голова, Сказочник отвел взгляд от Берты и посмотрел в открытое окно. Закат захлебывался в грозовых тучах, где-то далеко хлестал дождь, и солнце, усталое и выцветшее, собиралось сесть в грязную мокрую лужу – бескрайний горизонт. Отвечая ей, Сказочник словно бы разговаривал с воздухом в этой комнате:

– Морские Феи, которых ты так любишь, жаловались мне на свою прозрачность. Да, Берта, я всё это понимаю. Что я могу с этим сделать? У каждого в Мире свое место. Твой отец тоже сочиняет сказки время от времени. Это его призвание, от этого никуда не уйти. Когда он бросает это дело, я продолжаю один. Эти сказки, что так любят маленькие дети читать или слушать перед сном. О Прекрасных Принцах, их Любимых Дамах, Гордых Рыцарях и Жадных Разбойни-

ках... Каждому отведена своя роль, так же и мы проживаем свою жизнь. Ты можешь убедиться в этом повсюду. В сказке то же самое, только, в отличие от реального Мира, персонажи могут встретиться со своими Авторами. А мы обречены вечно бродить в поисках источника нас самих.

Снова кивнув, словно бы соглашаясь с самим собой, он поднялся и вышел, едва-едва шаркая домашними туфлями по полу.

И пока Сказочник погружался в тихое и грустное спокойствие, проливаясь грозой за Темным Лесом, Берта стояла посреди комнаты, ударяемая ветром в спину, и исходила яростью.

« – Почему он так думает? Почему?!...».

В ее спину прилетел комок смятой бумаги. Обернувшись, Берта увидела, что это Берти залез в окно, и теперь он стоит и наблюдает, как она едва ли не дымится от злости.

– Эй, Берта! Ты всегда сидишь одна, где-то в полете собственных мыслей, не обращая внимания совершенно ни на что? Почему ты так выглядишь?

– А ты всегда бумажками кидаешься?

Он засмеялся, спрыгнул с подоконника и шлепнулся рядом с ней на пол:

– Неплохой же беспорядок ты здесь устроила. Мстишь за что-то нашему старику? Нехорошо!

– Да нет же, – ярость из девушки словно бы выветрилась: – Сказочник сам все это поразбросал. Кстати, на листах... Это

же ты...

– Да ну?! – Он поднял первый попавшийся исписанный клочок и расхохотался: – Верно! Это точно я!

– Сказочник сказал, их нужно сжечь...

Берти замолчал мгновенно и внимательно посмотрел на Берту:

– Правда? И ты знаешь, что будет после?

– Я предполагаю, что это уничтожит тебя...

Он наигранно-радостно кивнул:

– Так сделай это, – встал с пола и снова направился к окну: – Я подслушал, что ты любишь слушать пение Морских Фей, это правда?

– Ты подслушал? – Берта недовольно, но игриво нахмурилась.

– Любишь?

– Да, по утрам...

Сев на подоконник, он воскликнул:

– Тогда, до завтрашнего утра!

– Подожди, закричала она вдогонку, тоже подскакивая с пола: – А что же мне делать с этими листьями?

– Ну, ты умница, я думаю, поступишь как нужно.

– Так что?

Берти спрыгнул вниз, и она не услышала его ответа.

Подмигнув ей, он исчез за углом дома, Берта едва не вывалилась в окно, пытаясь заглянуть подальше.

А листы так и остались лежать на полу, едва шелестя от

легкого ночного ветра. Собирать их девушка не стала, оставляя жизнь Счастливого Берти на волю Сказочника. Но и Сказочнику она решила не говорить о том, что пеплом персонаж по имени Альберт так и не стал.

Утро для нее наступило раньше рассвета. Берте безумно хотелось знать, оставил ли Сказочник для Берти право на существование, уничтожил ли его или просто не знал и не заметил, что исписанные бумаги лежали нетронутыми в примерочной комнате всю ночь.

– Тук-тук, я – твой друг, – Счастливчик влез в приоткрытое окно ее комнаты, принеся с собой запах росы и немного земли на ботинках с клумбы тюльпанов, что росли внизу.

– Ты не умеешь заходить в двери, да? – Спросила она недовольным тоном.

– Но ты ждала именно этого. Или быть может, я ошибаюсь?

Только теперь Берта увидела: Берти обладал крайним самодовольством. Настолько, что мог задавать подобный вопрос даже не задумываясь. И она почувствовала, что ей ужасно хочется его разочаровать:

– Совсем нет. Я ждала рассвет, когда станут танцевать Морские Феи. Причем же здесь ты?

Он обиженно свел брови пирамидкой вверх:

– Морские Феи?.. Вот так вот, – его голос действительно звучал огорченно, но не без насмешки: – Ты так легко разбиваешь мне сердце: Морские Феи важнее меня...

Берта рассмеялась. Ей было приятно, что он заигрывает с ней, и, одновременно, не хотелось показаться ни слишком заинтересованной, ни слишком холодной. Она отвернулась и сделала вид, что он ей вовсе не интересен, продолжая заправлять свою постель.

– И ты все еще наивна, Берта, словно ребенок, – Берти прикрыл одну створку окна, явно собираясь уходить: – Если захочешь, я объясню тебе, в чем твоя наивность. Приходи сейчас на ту поляну, где мы уже виделись.

Для Берты все это было крайне необычным. Недолго думая, она спрыгнула в окно сразу же вслед за ним, приземлившись в весьма мягкую клумбу все тех же красных «цветов для поцелуев».

Они устроились прямо на траве. Берти пришлось укутать Берту в свой затасканный пиджак, ей было холодно. Но расцвет еще только начинался.

– Я так и не посмотрю на своих Фей? – Грустно выдохнула она.

– Берта, почему ты так любишь наблюдать за ними?

– Они красивые, Берти. Такие ветреные... прозрачные...

– Пустые, – резко вставил он.

– Почему?

– Они не настоящие, Берта. Разве у них есть душа?

– Но ведь они тоже думают... Они тоже чувствуют, живут, – Берту удивлял тон его голоса, немного жестковатый для легкой утренней беседы.

– Их создал Сказочник, – возразил ей Счастливи́чик.

– Это значит, что и ты не настоящий, Берти?

Берти перевернулся на живот и начал травинкой выводить узоры на плече девушки:

– Очень даже может быть.

– Нет, – она оттолкнула от себя щекочущую ее руку: – Неправда...

– Откуда ты знаешь? Берта, скажи, откуда ты можешь это знать?

– Мы же общаемся, разговариваем...

Счастливи́чик принялся грызть травинку, которая мгновение назад скользила по ее плечу, отчего слова, которые он произносил, стали нечеткими, не выговоренными:

– Да, мы видимся, говорим, находимся рядом друг с другом, но как ты можешь определить, есть ли у меня душа? Как ты могла узнать, что у меня хорошая душа?

– Я не сказала, что у тебя хорошая душа, Берти.

Он выплюнул травинку и негромко, небрежно сказал:

– Ты не выпрыгнула бы в окно вслед за человеком, у которого плохая душа. Я так думаю.

На поляне повисла тишина. Никто из двоих не смел нарушить ее какое-то время. Берта застыла, смотря в глубокие глаза чайного цвета. Смотря на отражающиеся в них синие цветы и предрассветные облачка, застывшие в ожидании восходящего солнца. Берти смотрел на нее так, словно бы уже давно были они знакомы, уже давно имели привычку

болтать о всяком разном, спорном, о задачках без решения и о проблемах без выхода. Счастливчик смотрел на нее так, словно бы доверял ей в этом разговоре действительно что-то важное для него.

– Ладно, пусть так, – снова заговорил он уже более чистым, не сдавленным голосом: – Скажи мне, за все то время, что ты прибываешь здесь, ты хоть кого-нибудь из персонажей его историй узнала действительно хорошо? Хоть кого-нибудь?

Берта задумалась на пару минут. Но поскольку отвечать было действительно нечего, то она решила сказать хоть что-то:

– Знаешь, с тех пор, как я в доме Сказочника...

– Вот именно, – бесцеремонно и уже с обидой в голосе перебил ее Берти: – Все и начинается с тех пор, как мы появляемся в доме Сказочника. И он не даёт нам сделать выбор, который очевиден.

Берти приподнялся на локтях и нагнулся к Берте, чтобы поцеловать её. На поцелуй она ответила, ей понравился этот удивительный оборванец, перечаший своему создателю. Он скользнул губами к её подбородку, нежно поцеловал шею и положил голову ей на грудь, довольно вздохнув от того, что почувствовал, как сердце её равнодушно забилося в ответ.

– Берта?..

А Берта уже почти не слышала его, смотря вверх. Там, в лепестках сиренево-розовых облаков начинался рассвет.

Звездные знаки зодиака играли с первыми лучами. Стрелец все переводил взгляд от звезды к звезде, не находя места и цели своего пребывания на небе, скорпион все пытался уползти прочь, зная, что любая попытка лишена смысла и не стоит усилий. Все это было уже понапрасну. Новорожденное солнце уже стирало их фигуры на небосводе, розовый свет таял по краям облаков. Знаки зодиака попрятались по тёмным тучам вчерашнего дождя в ожидании новой ночи. Быть может, ночи более удачной, чем теперь.

– Берта?

– Да?

– Что будет дальше?

– Откуда мне знать?

– А как ты думаешь?

– Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

– Тебе не хочется отвечать?

– А есть смысл делать это?

Они задали друг другу чересчур много вопросов, но ни один из них не хотел уступать. Берта начала говорить первой снова:

– Так зачем ты спросил?

– Просто. Хотел знать, что ты собираешься делать дальше?

Она оторвалась от неба в переливающихся цветах заката и посмотрела на него:

– Я не могу понять тебя, Берти. Дальше? Поле чего?

– Не после чего, – сказал Берти, переворачиваясь на спину: – Просто, дальше... Завтра, послезавтра, через год. Берта, понимаешь?

– Нет...

– Ты так и хочешь оставаться в доме Сказочника? Всю эту жизнь?

Она немного подумала, но затем снова спросила:

– А у тебя есть какой-то свой план, Берти?

Он не ответил. В карих глазах сказочного персонажа протекало небо. Небо чайного цвета. Берта приподнялась и села, начав рассматривать сине-белые цветы. Словно облачка в небесном Мире.

«– Небо, небо... Опять это небо», – взорвалось в ее голове раздражение, оставшееся со вчерашнего дня.

Поднявшись с земли, встав на ноги, она стянула волосы в высокий пучок. Берти все смотрел ввысь. Видя его равнодушные, девушка решила не звать его за собой.

Но, едва она, отвернувшись, сделала пару шагов, как он сам окликнул ее:

– Берта?

– Что, Берти?

– Я ухожу сегодня. Больше не хочу сталкиваться с Его Величеством Сказочником.

Берта не стала оборачиваться, только остановилась:

– Зачем ты говоришь это мне?

Берти пожал безразлично плечами:

– Ну, не знаю, быть может, и тебе надоест когда-нибудь сидеть в этой немой тоске и потакать движениям марионеточника.

– Быть может. Сегодня?

– Да, Берта, сегодня.

– Счастливо тебе. Счастливчик. – Попрощавшись, она зашагала к дому Сказочника.

Завтрак на веранде был в полном разгаре. Все сидели на своих местах, пустовало лишь кресло рядом с самодовольным блондином.

– Ты опоздала. Чай остыл. – Волшебник выдохнул эти слова так, будто бы ее опоздание на завтрак не было таким обычным, опаздывала Берта каждый раз словно бы на заседание важных и вечно занятых людей.

Его жена, гречанка, как и прежде, была более дружелюбной:

– Заварить тебе другой, хочешь?

– Нет, спасибо. Совсем не хочу, – Было грустно. Глядя в это одно пустое кресло за столом, ей стало зябко и одиноко. И еще стало немного страшно. Поцелуй на цветочной поляне еще не успел выветриться из её головы.

«– Сколько я его знала», – пыталась вспомнить она: «– Три дня? Чуть больше, кажется...».

И ей совсем уже не хотелось мысленно надсмехаться над видом надменного Принца. Сидя сгорбившись на стуле, Берта пускала ложечкой волны по поверхности чая.

– Ты знаешь, сидеть за столом, поджав ноги под себя – признак дурного тона, – услышала она замечание в свой адрес, высказанное холодным, высокомерным голосом.

– Принц, а кто сказал тебе, что я хорошо воспитана? – Берта громко возразила ему, но продолжила свою мысль неразборчивым шепотом: – Я так даже не спросила, куда он уходит...

Сказочник продолжал сосредоточенно смотреть на нее, пока девушка не поднялась со стула. Медленно она побрела прочь с веранды.

Глава четвёртая «Снег, которого не увидит Берта»

Она стояла на мосту, безмолвно глядя на протекающую внизу воду. Неширокая речка-ручей делила равнину на две части, теряясь где-то у Тёмного леса. В душе Берты шла нешуточная война.

Хотелось отрицать всё – боль в груди, помутившийся рас-судок и непреодолимое желание бесконечно смотреть в глаза чайного цвета, в которых она теперь видела весь Мир. Весь Мир в одних только глазах Берти. Тяжело вздыхая, девушка опустила веки, хотелось от чего-то плакать. До сих пор она думала, что любовь – светлое и тёплое чувство, которое носят в душе с радостью. Её любовь, едва родившись, скребла душу Берты когтями дикой кошки из подворотни.

– Почему ты ушла? – Сказочник подошел к ней незаметно, звук его шагов заглушили слишком грустные мысли: – Берта? – Он осторожно дотронулся до её плеча.

– Я люблю его, Сказочник, – Берта не оглянулась, но открыла глаза, полные слёз: – Я так невыносимо тяжело себя чувствую, будто меня душит всё вокруг.

– Ты молода, – покачал он головой: – Для того, чтобы полюбить, полюбить по настоящему, Берта, нужно знать человека. На это нужно время и много...

– На это нужен всего лишь один взгляд, Сказочник, – девушка повернулась, и уверенно посмотрела в глаза своего собеседника: – Может быть, я молода. Ты разве не был молод? Ты разве не знаешь, что я сейчас чувствую?

– Тебе тяжело, и ты хочешь со всеми спорить. – В его голосе появился нравоучительный тон, хотя душа его, глядя на беспомощную девушку, разрывалась на части: – Но никто не хочет обидеть тебя, Берта. В твоём возрасте все легко влюбляются, это проходит потом. И твои чувства к Альберту пройдут, это не тяжело...

– Что это? – Берта прервала его на полуслове, удивлённо подставляя ладонь крупной пушистой снежинке. С неба начали понемногу опадать белые хлопья мягкого снега.

Сказочник улыбнулся от приятного, но грустного воспоминания: – Когда-то твоему отцу наскучило писать сказки. Мы дружили много лет, и он жил здесь, в этом доме. Это было еще до того, как ты родилась. Мне было чудовищно жаль, что он принял такое решение – ведь он придумал целый Мир, так много необыкновенных, пёстрых историй, города и деревни, сотни персонажей. – Он усмехнулся, в который раз качая головой, смотря куда-то под ноги на старые доски моста: – Хотя, конечно, это тяжело, не каждому под силу. Автор столько раз потом возвращался и уходил, что я потерял счёт. Но тогда он уходил впервые и навсегда, а я придумал, что каждый раз, как этот дом кто-то покидает, идёт снег.

– Этот дом кто-то покидает, – задумчиво повторила Берта. – Да, в день отъезда отца тоже шел снег, я помню. – Вдруг её лицо стало встревоженным: – Уходит? Уходит Берти?!

Сказочник молчал. Он не смотрел на Берту, его занимали белые хлопья мягкого снега. Кружась в воздухе, они исчезали в реке, которая все бежала куда-то, не обращая внимания ни на снег, ни на девушку, которая спешно спустилась с моста и сломя голову помчалась к дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.